

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: Русское изданіе «Амер. Прав. Вѣстника» [24 выпуска] — 2 дол. [4 рубля]; Англійскія Приложенія [12 книжекъ] 1 дол. 50 цент. [3 рубля]; Русское Изданіе и Приложенія — 3 дол. [6 рублей].

Terms of annual Subscription: Russian Edition — [Issued semimonthly] \$2.00; English Supplements — [issued monthly] \$1.50; Russian Edition and Supplements — \$3.00. Rev. A. Hotovitzky, Publisher, 15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

Vol. X. — No. 13. New York, 15 East 97th Street 1-14 Юля 1906 г

Изъ Епархіальной Лѣтописи.

Отзываемый нуждами подвѣдомственныхъ ему церковей, Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнѣйшій Тихонъ, 9 Юня простился съ Нью-Йоркомъ и провожаемый Преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ, каедр. причтомъ, членами Правленія и г. Генеральнымъ Консуломъ, отбылъ въ Осцеолу-Мильсъ, а оттуда въ другіе приходы, согласно ранѣ объявленному маршруту. Къ настоящему времени большая половина этого маршрута уже исполнена. Въ Келли-Айландъ и Миннеаполисѣ церкви освящены, причемъ два во-

спитанника мѣстной семинаріи посвящены во священники для Канады. 1-го Юня Его Высокопреосвященство возвратится въ Нью-Йоркъ и здѣсь за богослуженіемъ 2/15 Юля совершитъ освященіе храма послѣ заканчивающихся живописныхъ въ немъ работъ. Затѣмъ, на вторую половину лѣта, Владыка предполагаетъ отбыть въ Свято-Тихоновскую обитель, шт. Пенсильваніи.

Въ четвергъ 15 Юня Его Преосвященство Преосвященнѣйшій Иннокентій, Епископъ Аляскинскій, отбылъ по Пенн.

силванской ж. дорогѣ на западъ, по направленію къ своей далекой каедрѣ. Пребываніе Владыки въ Нью-Йоркѣ этой весною было посвящено изготовленію отчета по вѣренному ему викариатству и обсужденію нуждъ онаго, совмѣстно съ правящимъ Архіепископомъ Высокопреосвященнѣйшимъ Тихономъ. Затѣмъ былъ написанъ здѣсь же отчетъ въ Миссіонерское Общество, сдѣланы нѣкоторые необходимые заказы для церквей Аляски, посѣщены нѣкоторые изъ окрестныхъ приходо́въ. Владыка неоднократно, какъ мы и ранѣе писали, литургисалъ въ каедр. Соборѣ. Въ послѣдній разъ Его Преосвященство совершалъ божественную литургію въ воскресенье 4 Юня, на другой же день послѣ возвращенія изъ Вашингтона, куда Владыка ѣздилъ по нѣкоторымъ неотложнымъ дѣламъ, и гдѣ, между прочимъ, состоялось свиданіе Преосвященнаго съ Президентомъ г. Рузвельтомъ. Владыка былъ представленъ г. Президенту въ Бѣломъ Домѣ г. Россійскимъ Посломъ Барономъ Р. Р. Розеномъ, въ субботу въ 12 ч. дня и лично бесѣдовалъ съ нимъ, причемъ произвелъ на г. Президента наилучшее впечатлѣніе своею бодростью и преданностью интересамъ своей Аляскинской паствы. Мы надѣемся съ подробностями этой поѣздки Владыки въ Вашингтонъ познакомить читателя позднѣе.

Незадолго предъ отѣздомъ изъ Нью-Йорка Его Преосвященство чествовалъ обѣдомъ Высокопреосвященнѣйшаго Владыку Архіепископа, Преосвященнаго Рафаила, Генер. Консула Н. Н. Лодыженскаго, и братію — причтъ каедральнаго Собора, членовъ Правленія, редактора „Свѣта“ и „Звонка“, настоятеля Аллегенской церкви, прибывшаго проститься съ Владыкою, и семейства ихъ. Въ разное время Его Преосвященство изволилъ посѣтить членовъ клира въ Нью-Йоркѣ, и членовъ Правленія внѣ города, — въ Пас-

сайкѣ и Юнкерсѣ. — 15 Юня, въ 5.40 вечера, провожаемый мѣстнымъ и окрестнымъ духовенствомъ, Его Преосвященство отбылъ изъ Нью-Йорка. На другое утро Владыка осматривалъ водопадъ Ніагару, и затѣмъ прослѣдовалъ въ Чикаго, откуда, послѣ непродолжительной остановки, направился далѣе. Изъ только-что полученнаго отъ Владыки письма мы узнаемъ, что Его Преосвященство прибылъ благополучно 21 Юня въ Сеаттлѣ, откуда и посылаетъ всѣмъ знаемымъ свой привѣтъ и благословеніе.

Ангель-Хранитель да сопутствуетъ Владыкѣ въ его дальнѣйшемъ и труднѣйшемъ слѣдованіи къ его каедральному граду.

Мои путевыя впечатлѣнія.

II.

Душевное возбужденіе, въ которомъ я провелъ день, незамедлило отразиться самымъ печальнымъ образомъ ночью на сновидѣніяхъ.

Едва я сомкнулъ усталые глаза, какъ встали и дико закружились въ моемъ сонномъ воображеніи, ничѣмъ не сдерживаемыя, ничѣмъ не управляемыя, тяжелыя сновидѣнія, заставляя сердце раздираться отъ муки, обливаться кровью. Лишь къ утру онѣ нѣсколько измѣнились въ лучшую сторону и приняли пророческій характеръ. Одно изъ нихъ, самое послѣднее, особенно ярко запечатлѣлось у меня въ памяти.

Снится мнѣ какой-то величественный храмъ съ рядами огромныхъ колоннъ; онъ погруженъ въ таинственный полумракъ и мертвую тишину; въ немъ безлюдно...

Озираюсь: кругомъ все по-православному, а гдали — о, кощунство! — передъ царскими вратами, на которыхъ меркнетъ отблескъ умирающаго дня, сто-

ить о. Ольшевскій. бритый, въ свѣтскомъ костюмѣ, со святыми Дарами въ рукахъ и — чуть слышно — говорить возгласъ...

Я похолодѣлъ отъ ужаса!

Замѣтивъ меня, онъ на минуту теряется; потомъ, оправившись, направляется ко мнѣ. Вотъ мы лицомъ къ лицу — и что удивительно: онъ уже съ бородой, въ подрясникѣ и безъ святыхъ Даровъ.

— Я чувствовалъ — говоритъ онъ мнѣ — что мы еще увидимся! Я зналъ!

— Я былъ въ Голіокѣ! — сказалъ я, чтобы скрыть волненіе, которое охватило меня вдругъ отъ его близости.

— Знаю, и долженъ сказать вамъ, что если хотите имѣть успѣхъ среди уніатовъ, то вы должны измѣнить вашу политику, держаться по отношенію къ нимъ совершенно иной!

Онъ еще болѣе приблизился ко мнѣ и — боязливо озираясь по сторонамъ, — началъ говорить, но такъ тихо, что я много не могъ разобрать.

Вдругъ все потемнѣло, заволокло чѣмъ-то, и я проснулся, и съ душевнымъ облегченіемъ нашелъ себя въ гостиницѣ, гдѣ остановился по пріѣздѣ изъ Голіока.

Моя кровать стояла противъ огромнаго окна. Окно не было закрыто шторой, и небо, своими клубившимися тучами, точно блесоватымъ глазомъ, смотрѣло на меня изъ далека безучастно.

Внизу тучи были какого-то красноватаго отмѣнка, и когда я вглядывался пристальнѣе, то чудилось, что за ними или всходитъ огромная, кровавая, луна или занимается огненная зоря. И трудно было опредѣлить, какое время наступало: полночь или разсвѣтъ.

Взволнованный, я уже не могъ заснуть. Лежалъ и смотрѣлъ въ небо. А оно быстро мѣнялось въ цвѣтахъ и свѣтлѣло: очевидно — наступалъ день.

Я всталъ, одѣлся, спустился внизъ, расплатился у кассы и вышелъ на дворъ.

Посмотрѣлъ на часы: до поѣзда оставалось цѣлыхъ полчаса. Чтобы не томиться на вокзалѣ, я отправился познакомиться съ городомъ.

Говорятъ, что лѣтъ двадцать назадъ здѣсь почти ничего не было, кромѣ нѣсколькихъ фермъ, а теперь — это громадный городъ съ прекрасными улицами, Берлинъ въ миниатюрѣ.

Но пора и на поѣздъ. Подхожу, онъ уже готовъ къ отъѣзду. Трогаемся... Минуту спустя, мчимся...

Гляду въ окно вагона: передо мной мелькаютъ совсѣмъ иного рода виды, чѣмъ отъ Нью-Гавена и до Спрингфильда. Тамъ, на всемъ притяженіи, сплошная зеленая равнина, съ вьющейся по ней какой-то рѣчкой, то расширяющейся, то суживающейся, то раздѣляющейся на нѣсколько рукавовъ; мѣстами — надъ водой низкорослыя деревья, а подъ деревьями — рыбаки съ удочками въ рукахъ, стегаютъ рыбу. А тутъ, за Спрингфильдомъ, пошли горы, поросшіе чистыми лѣсами; точь въ точь Балканы. Такъ и гудится, что у подошвы ихъ плавно несется широкой, задумчивый Дунай. И правда: черезъ минуту горы подбѣжали къ поѣзду, и между поѣздомъ и ими засверкала бурная рѣка. И что меня удивило: бѣжала она совсѣмъ въ противоположную сторону, чѣмъ рѣка до Спрингфильда. На всемъ протяженіи этой рѣки — искусственные водопады; вотъ съ значительной высоты льется, изгибаясь, заржавѣлая масса, а немного дальше отъ нея опять рѣка, спокойная, и въ ней отражаются, какъ въ зеркалѣ, всѣ мелочи прибрежнаго пейзажа.

Рѣка вдругъ куда-то исчезла, и мы мчимся по какому-то ущелью, между высокихъ горъ; вѣроятно — по дну древней, уже высохшей рѣки. Вотъ стало свѣтлѣе: это горы разбѣжались въ противоположныя стороны и мы взобрались на возвышенность.

Остановки слѣдуютъ за остановками. Одни входятъ въ поѣздъ, другіе выходятъ.

Но вотъ и Athol.

Схожу съ поѣзда, иду на угадъ.

На углу улицы стоятъ двое мушкетеровъ. По физиономіи вижу, что славяне, и потому обращаюсь къ нимъ сразу по русски.

— Гдѣ здѣсь живутъ русскіе?

— Въ концѣ этой улицы, возлѣ поля!

— отвѣчаютъ они по-польски и вниваются въ меня широко—раскрытыми глазами.

Я отправился. Нашель.

Домъ, въ которомъ жили русскіе, дѣйствительно оказался самымъ крайнимъ, возлѣ какого-то обрыва. Онъ былъ окруженъ огородомъ и осѣненъ тремя деревьями.

У порога, подъ навѣсомъ, я увидѣлъ кучку людей, они сидѣли и о чемъ-то тихо разговаривали.

Я подошелъ къ нимъ и заговорилъ съ ними. Вѣсть о томъ, что передъ ними ихъ родной священникъ, они приняли болѣе съ недоумѣніемъ, чѣмъ равнодушно; и мнѣ нужно было употребить много усилій, чтобы разогнать это недоумѣніе. Въ этомъ помогъ мнѣ и полякъ, содержащій русскихъ у себя на квартирѣ.

— Я, какъ увидѣлъ васъ на улицѣ, сразу узналъ, что вы — русскій священникъ! — заговорилъ онъ, спрыгнувъ съ тележки, на которой откуда-то пріѣхалъ, и подойдя ко мнѣ. — Это хорошо, что вы пріѣхали сюда! Вотъ назъ здѣсь всего четыре семейства, а нашъ ксендзъ все-таки доѣзжаетъ къ намъ четыре раза въ годъ и Богъ знаетъ — откуда, изъ Бостона. А русскихъ здѣсь болѣе сорока человекъ; многіе уже нѣсколько лѣтъ живутъ безъ исповѣди и причастія!

— Да, отецъ духовный, этому правда! — одинъ за другимъ заговорили и они. Когда-жъ не знали, есть-ли тутъ, въ Америкѣ, православные священники. Кто-то сказывалъ, что есть русская пра-

вославная церковь въ Нью-Йоркѣ, но это далеко, да и очень дорого!

— Тогда вотъ что предложу я вамъ, — сказалъ я. Подыщите вы себѣ приличную комнату, выберите одинъ свободный день, извѣстите меня, а я вмѣстѣ съ псаломщикомъ пріѣду сюда, отслужу вечерню, послѣ вечерни поинновѣдую, а утромъ отслужу литургію и приобщу васъ.

Предложеніе это нѣкоторыми было принято съ радостію.

Затѣмъ я обратился къ нимъ съ просьбою что-либо пожертвовать на церковь и едва окончилъ записывать имена жертвователей, какъ полякъ сказалъ имъ:

— Ну пора собираться!

Былъ полдень. Солнце мягко свѣтило. Послѣ недавняго дождя было чуть свѣжо, а умытая зелень ярко зеленѣла.

— Куда собираетесь? — спросилъ я ихъ.

— Да въ лѣсъ... Мы работаемъ по лѣсамъ, рубимъ деревья. Обычно уѣзжаемъ туда недѣли на двѣ. Работа не тяжелая и плата хорошая, по два доллара на день. Наши товарищи уже поѣхали, только мы вотъ запоздали...

Я вспомнилъ, что когда я подходилъ къ дому, на заднемъ дворѣ дѣйствительно уже стояла запряженная тележка и на нее спѣшно укладывали матрацы и одеяла.

— Скажите, не проживаютъ-ли еще гдѣ-нибудь здѣсь по близости русскіе?

— Въ Гринфильдѣ! Полчаса ѣзды. Они почти каждую недѣлю къ намъ въ гости ѣздятъ. Работаютъ всѣ на кирпичномъ заводѣ, а живутъ сейчасъ же возлѣ него, внизу. Занищите-ка, батюшка, ихъ адресъ на всякій случай.

Я записалъ и, узнавъ, что поѣздъ идетъ туда черезъ полчаса, распрощался съ ними и поспѣшилъ на вокзалъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Athol'a имѣлъ разговоръ съ тремя поляками, которые специально для этого и явились на вок-

заль. Они сильно интересуются русскими дѣлами. Хоть и хорошо здѣсь зарабатываютъ, а все-таки тянетъ и ихъ въ Россію. Вѣсть о томъ, что Дума старается добыть всѣмъ крестьянамъ, даже инородческимъ, земли, была принята ими съ нескрываемой радостью. Очевидно, что земельный вопросъ и у нихъ является большимъ вопросомъ.

Во время моихъ путешествій мнѣ удалось подмѣтить одно очень интересное обстоятельство. Тамъ, гдѣ поляки живутъ безъ своего польскаго ксендза, внѣ его вліянія, — это очень порядочные люди и здѣсь, на чужбинѣ, мирно уживаются съ русскими людьми, на родинѣ у которыхъ они въ порабощеніи. Объ этомъ мнѣ сами русскіе говорили, да и я когда разговаривалъ съ ними, то ни въ голосъ, ни въ взглядахъ ихъ не могъ подмѣтить вражды или ненависти къ себѣ.

До Гринфильда я доѣхалъ скоро.

Время послѣ двѣнадцати. Солнце высоко, жжетъ немилосердно, дышать нечѣмъ и всего обливаетъ потомъ.

Спѣшу по безлюдной улицѣ къ кирпичному заводу, въ надеждѣ, что быть можетъ — застану людей еще дома за обѣдомъ.

Изъ-за пустыхъ деревьевъ улицы высовывается высокая труба, потомъ — ряды кирпича, уложенные симметрично на доскахъ. Это и есть кирпичный заводъ. Онъ на горѣ, на голомъ приекѣ. Внизу, вплотную съ обрывомъ, домъ. Подхожу къ нему. Дверь въ нижній этажъ открыта настежь и внутри виднѣются въ полумракѣ ряды столовъ съ стульями, покрытые разными обѣдками, а поотдалъ отъ нихъ, передъ кранами — пожилая женщина; при помощи двухъ дѣвушекъ она моетъ посуду.

— Гдѣ русскіе? — спрашиваю ее.

— Сейчасъ пошли на работу, навѣрхъ!

— обернувшись, отвѣтила пожилая жен-

щина по англійски.

Взбираюсь по крутизнѣ на верхъ. Вижу себя въ узкомъ проходѣ между кирпичей. Вотъ на встрѣчу мнѣ какой-то парнишка везетъ въ тачкѣ свѣжій только что выложенный изъ формъ на доски кирпичъ. Одѣтъ по старокраевому; на головѣ излюбленный картузь.

— Русскій-ли? — заговорилъ я съ нимъ, воспользовавшись тѣмъ, что онъ остановился и сталъ выкладывать возлѣ меня кирпичъ.

— Русскій!

— Много-ли васъ здѣсь работаетъ?

— Человѣкъ сорокъ, одни русскіе!

— Я русскій православный священникъ. Сегодня я былъ въ Этолѣ и узналъ, что и здѣсь проживаютъ русскіе — вотъ и рѣшилъ навѣстить и ихъ.

Онъ смотритъ на меня искоса и молчитъ; лицо какое-то забитое, загнанное.

— Эй! — крикнулъ кто-то, показавшись вдаль, въ концѣ прохода.

Какъ перепуганный заяцъ, парнишка присѣлъ, потомъ быстро опорожнилъ тачку и помчался съ нею обратно.

Я остался одинъ среди кирпичей. Стою все-таки и жду.

Подкатываетъ тачку другой. Завожу и съ нимъ подобный разговоръ. Тотъ уже не по окрику, а окончивъ свое дѣло, уходитъ, прерывая бесѣду на срединѣ. За нимъ появляется третій, четвертый. Каждый мелькомъ осматриваетъ меня.

Смотрю и я на нихъ, но уже безнадежно, не вступая въ разговоръ. Потомъ рѣшаю про себя, что лучше за свѣтло уѣхать отсюда. Спускаюсь. Въ это время изъ-за кирпичей, надъ обрывомъ, высовывается фигурка съ смышленной физиономіей и провожаетъ меня любопытнымъ взоромъ. Она мнѣ еще не знакома: очевидно, вѣсть о томъ, что пріѣхалъ священникъ, передана и другимъ.

Я остановился и заговорилъ съ нимъ,

Мои предложенія оправдались.

— Да, сказывали, что священникъ прѣхалъ! — говоритъ онъ, спустившись ко мнѣ.

— Когда у васъ работа кончается?

— Въ половинѣ шестого.

— Можно-ли къ вамъ тогда зайти и застану-ли я всѣхъ васъ дома?

— Конечно.

Я распрощался съ нимъ и поплелся къ вокзалу. Настала для меня самая страдная пора, — нужно было какъ-нибудь и гдѣ-нибудь скоротать пять съ половиною часовъ. Сначала я сидѣлъ въ залѣ вокзала, но такъ долго, что служащіе невольно начали обращать на меня вниманіе. И въ самомъ дѣлѣ, не странно ли со стороны, не непонятно-ли: поѣзда то приходятъ, то уходятъ въ разныя стороны, а человекъ сидитъ и сидитъ.

Занялся — было — газетой, но не надолго ея хватило. Сначала о. Гумой наслаждался, потомъ началъ на него сердиться, имъ возмущаться! Ну — и выбрали человекъ! Двухъ словъ связать не можетъ, и это лучший человекъ отъ духовенства! Каково-же тогда остальное духовенство! — подумаютъ многіе. — Лучше бы молчалъ!

На дворѣ невыносимый зной. Вмѣстѣ съ воздухомъ — онъ шумно врывается въ комнаты вокзала, расслабляетъ меня, и мнѣ остановится еще болѣе не по себѣ. А впереди, до шести часовъ цѣлая вѣчность!

Иду осмотрѣть городъ и разспросить по фабрикахъ, не работаютъ-ли здѣсь еще галичане и угро-русы.

Городъ внѣ всякаго описанія, залегъ въ зеленыхъ горахъ. Улицы широкія, тѣнистыя, точно алеи въ первоклассномъ огромномъ паркѣ. Сквозь просвѣты деревьевъ открывается чудная даль: вьющая долина, подпернутая сизой дымкой, пропитанной лучами солнца.

По дорогѣ заходилъ въ фабрики. По сиравкамъ, наведеннымъ черезъ фабричныхъ конторщиковъ, оказалось, что ни въ одной изъ нихъ нѣтъ ни галичанъ, ни угро-русовъ, только поляки.

Но вотъ — слава Богу — и шестой часъ! Можно идти.

Потомъ соображаю, что нужно дать имъ время умыться, переодѣться, поужинать, и потому прохожу мимо дома, въ даль.

Возвращаясь, вижу, что они собрались по заднемъ дворѣ, подлѣ крутой лѣстницы, ведущей наверхъ. Всѣ въ грязныхъ рабочихъ костюмахъ. Одни курятъ, расхаживая, другіе усѣлись на ступеняхъ и о чемъ-то между собой разговариваютъ.

Меня замѣтили. Смотрятъ въ упоръ, но навстрѣчу мнѣ никто даже шагу не сдѣлаетъ.

Подхожу самъ.

— Здравствуйте! Всѣ-ли русскіе?

— Всѣ!

— Можно-ли къ вамъ зайти?

— Можно. Только не хорошо у насъ.

— Ничего!

И я поднимаюсь по лѣстницѣ. Вхожу въ ихъ помещеніе и пораженъ: я еще не видѣлъ, чтобы въ Америкѣ люди, даже эмигранты, жили въ подобной обстановкѣ. Какой-то хлѣвъ! Вмѣсто стѣнъ, заполненныхъ известью и отштукатуренныхъ, почернѣвшій отъ времени деревянный скелетъ дома — балки и стропила всюду усѣянные остриями гвоздей, которыми прикрѣплены къ нимъ доски снаружи. Безконечный рядъ деревянныхъ кроватей, покрытыхъ грязными, какъ земля, одѣялами и подушками. Надъ кроватями, въ тѣни отъ крыши два маленькихъ оконца, и оттого — даже въ солнечный день — здѣсь полумракъ.

За мною вопли, но не всѣ.

Часть осталась на дворѣ, вѣроятно, докуривать папиросу, которая была для

нихъ сладостнѣ свиданія со своимъ священникомъ. Вошедшіе сразу повалились въ грязныхъ костюмахъ, съ грязными сапогами на постели.

Разговорился я съ ними, познакомилъ ихъ съ нашею миссіей. Оказалось, что одинъ изъ нихъ почти каждый годъ ѣздитъ исповѣдываться въ Нью-Йоркъ. Остальные по многу лѣтъ живутъ безъ исповѣди. Я и имъ предложилъ то-же, что и Этольцамъ: отслужить для нихъ всеобщую и литургію. Затруднительнымъ показалось мнѣ назначить для этого день: въ воскресеніе бросить свой приходъ я не могъ, а въ будній день — думалось мнѣ — они работаютъ. Но они сразу вывели меня изъ этого затрудненія, заявивъ, что въ любой день, сообщая, могутъ приостановить работу. Точно также Этольцы. Вотъ гдѣ-нибудь вмѣстѣ съѣдутся — вѣдь это не такъ далеко и дорого — и мнѣ не придется тратить лишняго дня напрасно. Предложеніе было прекрасное, и я его принялъ.

Затѣмъ я познакомилъ ихъ съ нуждами своего прихода и попросилъ что-нибудь пожертвовать. Одни заявляли, что дадутъ тогда, когда я отслужу; вѣроятно — еще не довѣряли, что я — православный священникъ, другіе — меньшинство — кое-что сложили.

Узнавъ, что они никакихъ газетъ не получаютъ, общалъ имъ прислать. Пробовалъ заложить братство. Но они доказали мнѣ, что оно будетъ недолговѣчно: послѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ часть разбредетъ отсюда въ разныя стороны по лѣсамъ, рубить деревья, а часть уѣдетъ на родину, въ Россію.

Посидѣлъ я съ ними всего часъ и — къ великой скорби моей — замѣтилъ, что большинство осталось до конца равнодушнымъ къ моему посѣщенію. Почти вначалѣ разговора многіе повыходили изъ помѣщенія и болѣе не возвращались.

Къ поѣзду еле поспѣлъ.

И вотъ снова я мчусь уже домой.

Солнце зашло. Небо синѣетъ. Кое-гдѣ замигали звѣздочки. Въ необъятной доли-нѣ встали сѣдые туманы. Еле мерещутся очертанія горъ, лѣсовъ, рѣки...

Вотъ на мгновеніе забылся и грезатся родныя, дорогія, незабвенныя мѣста подъ синимъ звѣзднымъ куполомъ ночи широкой, многоводный Днѣпръ, тихія плавни съ стоячими озерами; у самыхъ камышей — листы съ бѣлыми лиліями на листьяхъ усѣлись лягушки и своимъ монотоннымъ, непрерывнымъ кваканіемъ вызываютъ у запоздалыхъ рыбалокъ и охотниковъ неясныя думы и мечты; у размытыхъ, обнаженныхъ корней тихо журчитъ вода, изрѣдка вспыхивая. А вдали, на горѣ чернѣетъ родимый городъ, кое-гдѣ, точно звѣзды, видны огни; тѣ, которые возлѣ берега и на судахъ, желтыми змѣйками отразились въ молчаливой водѣ.

Въ сердце закралась тоска и печаль; смертельно потянуло на родину, къ родному народу, чтобы среди родныхъ мѣсть съ нимъ радоваться и горевать...

Нѣтъ — не добратся мнѣ ни сегодня, ни завтра, ни послѣ завтра домой... Далекъ онъ отсюда. И не скоро умретъ въ моемъ сердцѣ святая тоска...

Свящ. Ф. Букетовъ.

Бурса въ Кливландѣ.

Закончился учебный годъ въ Кливландской Бурсѣ. Годъ усилій и трудовъ не прошелъ безслѣдно. Дѣти перешли въ слѣдующіе классы съ высокими успѣхами. Трое окончили публичную школу и перешли въ высшую школу для продолженія образованія. Имена окончившихъ: Андрей Чернакъ, Марія Капитула и Юлія Заяць. Въ настоящее время въ Высшей

школъ Бурса имѣеть пять студентовъ. Это Бурса сдѣлала за короткое время своего существованія. Чего она достигнетъ если безъ помѣхи будетъ продолжать свое дѣло, если какіе нибудь „добродѣи“ не станутъ совать палку въ колесо! Безъ хвастовства Бурса можетъ сказать, что она въ короткое время дастъ Американской Руси воспитанную въ Америкѣ богобоязненную и патріотическую интеллигенцію.

Все истинные сыны Американской Руси должны способствовать скорѣйшему просвѣщенію народа. Съ просвѣщеніемъ мы и матеріально станемъ богаче и тогда сгинетъ нищета и горе. Будемъ имѣть своихъ докторовъ, адвокатовъ, купцовъ, будемъ имѣть своихъ сердолобивыхъ священниковъ; еслибы мы имѣли милліоны богобоязненныхъ и патріотическихъ интеллигентовъ, то и то не было бы много. Поле широко и обширно. Многіе найдутъ работу въ Америкѣ, другіе поѣдутъ въ Австрійскую и Угорскую Русь ломать кандалы рабства, третьи перешагнутъ въ великую Россію, чтобы помочь Русскому народу своимъ умомъ и талантомъ. И Россія будетъ благодарна Американской Руси за присылку богобойныхъ и практическихъ патріотовъ. Такихъ дѣятелей Россіи недостаетъ.

Однимъ словомъ, бурса можетъ принести пользу Русскому народу во всѣхъ частяхъ свѣта.

Русине дорогой, знаю, что любишь ты свой народъ, знаю, или когда услышишь о несчастіяхъ Русскаго народа въ Россіи, Галиціи и Угорщинѣ, или Америкѣ, сердце у тебя заливається кровью. Причиною всѣхъ этихъ золъ является непросвѣщеніе, темнота народа. Помоги Русскому народу просвѣтиться, чтобы онъ могъ скинуть съ себя нищету и горе. А помощь отъ тебя требуется такая: отдай хоть одного хлопца на ученіе. Твоя па-

мать будетъ благословляться потомствомъ, если не пожалѣешь грошей для воспитанія одного богобоязненнаго и честнаго патріота.

(„Новая Жизнь“).

Отъѣздъ о. Прот. І. І. Недзѣльницкаго изъ Америки.

Недавно Американскую Миссію покинулъ одинъ изъ заслуженнѣйшихъ и старѣйшихъ ея работниковъ, бывшій благочинный о. Протоіерей І. І. Недзѣльницкій. Мѣстомъ служенія о. Прот. Недзѣльницкаго былъ Питтсбургъ—Аллегенскій приходъ, куда онъ былъ назначенъ Преосвященнымъ Николаемъ еще въ 1895 году. Здѣсь и прошли десять лѣтъ энергичной, бодрой работы о. Іоанна. Американская миссія съ его назначеніемъ сюда приобрѣла опытнаго работника, какъ разъ необходимаго въ ту пору центру Пеннсилваніи. Еще въ Россіи, своимъ усердіемъ и способностями, о. Недзѣльницкій стяжалъ довѣріе Епарх. Начальства и былъ помощникомъ благочиннаго. Тамъ же были сдѣланы имъ первые шаги на литературномъ богословско-полемическомъ поприщѣ. Лучшій его трудъ — противопштудистское изслѣдованіе, выдержавшее нѣсколько изданій. Въ Америкѣ о. Іоаннъ не гасилъ этого дарованія. Здѣсь имъ изданы нѣсколько религіозно-нравственныхъ брошюръ, и затѣмъ на малороссійскомъ языкѣ напечатана составленная имъ „Наука о богослуженіи“ и приготовленъ къ изданію „Катихизисъ“. Все эти работы совершены имъ безмездно, — на пользу св. православнаго дѣла въ Америкѣ.

Какъ приходскій священникъ, о. прот. Недзѣльницкій явилъ себя первокласснымъ миссіонеромъ—организаторомъ. Благодаря своей опытности, знанію свойствъ

и привычекъ мѣстныхъ пасомыхъ, — зная хорошо какъ природный малороссійскій языкъ, и зная языки сербскій и греческій, онъ въ короткое время расширилъ границы своего миссіонерскаго дѣланія далеко по окрестнымъ мѣстамъ. Вокругъ Аллегени имъ были организованы братства, приходы, стали создаваться храмы. Вскорѣ Аллегенскій приходъ количественно возросъ до огромной численности. При главномъ престолѣ въ церкви устроены придѣлы во имя св. Тихона. Еще далѣе стало очевиднымъ, что приходъ Аллегенскій надо раздѣлить, и въ Питтсбургѣ надо строить особую церковь, и эту тяжелую задачу взялъ на себя о. І. Недзѣльницкій. Не покладая рукъ, онъ сталъ собирать жертвы на это святое дѣло, — какъ передъ тѣмъ собиралъ на выплату долга лежавшаго на церкви Аллегенской. Съ этою же цѣлью была предпринята имъ успешная поѣздка въ Россію. На собранныя средства создано было зданіе, въ которомъ устроена домовая церковь и помѣщеніе для священника, и т. о. приходъ Аллегенскій раздѣлился на два самостоятельныхъ прихода. О. прот. Недзѣльницкій тогда перешелъ въ Питтсбургъ.

Съ усердною приходскою дѣятельностью о. Іоаннъ совмѣщалъ и прохожденіе обще-миссіонныхъ обязанностей. Почти съ самого своего прибытія въ Америку онъ состоялъ благочиннымъ Нью-Йоркскаго округа, каковымъ и оставался до самого отъѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принималъ живое участіе въ жизнедѣятельности Православнаго Общества Взаимопомощи, былъ его предсѣдателемъ одно время, и избранъ былъ Почетнымъ членомъ онаго.

За свои заслуги, въ теченіи десятилѣтняго своего служенія въ Америкѣ, о. Іоаннъ послѣдовательно удостоенъ былъ наградъ: камилавкою и орденомъ Св. Анны, 3-й и 2-й степени, а отъ прихожанъ,

въ свидѣтельство ихъ сыновней признательности, получилъ наперсный крестъ. Въ юбилей своего десятилѣтняго служенія, о. прот. І. Недзѣльницкій былъ чествуемъ братіей, причемъ вмѣстѣ съ адресомъ поднесенъ ему былъ роскошный чайный сервизъ.

Семейныя обстоятельства — болѣзнь жены и возрастъ дѣтей, въ связи съ на-роставшею проблеммою надлежащаго ихъ воспитанія, — побудили о. Іоанна возвратиться на родину, куда онъ и отбылъ теперь, послѣ 10-лѣтней полезной своей дѣятельности въ нашей миссіи.

Предъ отъѣздомъ, въ пребываніе свое въ Нью-Йоркѣ, о. І. Недзѣльницкій обѣдалъ у Владыки Архіепископа, а на пристанѣ изволилъ провожать его Преосвященный Иннокентій, Епископъ Аляскинскій, предшественникъ о. Іоанна Недзѣльницкаго по настоятельству въ Аллегенскомъ приходѣ.

Отъ души желаемъ доброму собрату нашему продолжать на родинѣ его полезную пастырско-просвѣтительную дѣятельность!

„Изданіе Рутенскихъ Церковныхъ Книгъ“.

Подъ такимъ заглавіемъ появилась статья въ одной большой мадьярской газетѣ, выходящей въ Будапештѣ. Названіе этой газеты „Pesti Hirlap“, и о ней первѣе всего надо замѣтить, что она — олицетвореніе мадьярскаго шовинизма, и превосходитъ въ этомъ направленіи всѣ другія.

Цѣликомъ и дословно всю статью, вслѣдствіе ея размѣра, переводить нѣтъ надобности, и я постараю лишь вкратцѣ сообщить по возможности все главное; но и этого будетъ вполне достаточно для доказательства того, какъ мѣстное прави-

тельство и униатскіе шовинисты стараются совсѣмъ придупить эту несчастную, на смерть осужденную, русскую народность, а „Унію“ превратить постепенно въ совершеннѣйшій латино-папизмъ...

Статью эту писалъ, если не униатскій попъ, то навѣрное сынъ попа или дьячка, измѣнившій, вѣроятно, за одну корону (20 ц.), и свое русское имя на чистомадьярское, и путемъ отреченія отъ русскихъ отца и матери ставшій „интеллигентомъ“! Эти новомодные русскіе янычары такимъ способомъ добываютъ въ Угріи свой „хлѣбчикъ“ отъ правительства и популярности въ средѣ такихъ людей, которые о русскомъ народѣ такъ же много знаютъ, какъ о карликахъ въ чернѣйшей Африкѣ, — а объ его церковно-религіозныхъ нуждахъ и еще менѣе.

Все таки своими глупыми статьями они воспитываютъ еще болѣе глупыхъ шовинистовъ — политикановъ, которые небылицы принимаютъ за святую правду, и стараются насильно мадьяризовать и истребить бѣдный, до земли угнетенный, народъ угро-русскій, эту горсточку самого злосчастнаго человечества на землѣ, какъ якобы опаснѣйшихъ „панславистовъ“.

Содержаніе этой статьи такое.

Десять лѣтъ тому назадъ одинъ уволенный дьячекъ Иванчикъ въ Угочанскомъ комитатѣ справилъ юбилей тысячелѣтія Мадьяріи такъ, что тайно удралъ въ Кіевъ и оттуда привезъ съ собою церковныхъ книгъ стоимостью на 500 гульденовъ (50 долл.), а затѣмъ эти книги — horrendum dictu — раздалъ между церквами Бережанскаго, мараморотскаго, угочанскаго и ужанскаго комитатовъ. Тайна была вскорѣ открыта, и Банфи (тогдашній министр-премьеръ, горчайшій врагъ всѣхъ народностей Венгріи, страдавшій неизлѣчимой idea fixa — сдѣлать Угрію одноязычной державой per fas et nefas) велѣлъ предста-

вить ему эти книги, въ которыхъ содержится много нетерпимаго какъ съ патриотической, такъ и съ религіозной точки зрѣнія. Именно: книги наполнены службами собственныхъ русскихъ святыхъ, и что всего ужаснѣе, въ нихъ есть даже молитва за Русскаго Царя... Напр., въ книгѣ Псалтырь есть такая молитва: Спаси Господи благочестивѣйшаго Государя.. и т. д. (обычная молитва-ектенія за Государя, Державный Домъ, Св. Синодъ, Начальство, Синклитъ и пр. и пр., какъ всякому православному христіанину извѣстно). Разумѣется, заявляетъ авторъ статьи, такое, задрашированное въ плащъ благочестія, стремленіе „панславизма“ поразило Банфи, и онъ запретилъ эти книги употреблять въ Рутенскихъ церквахъ. И начались переговоры (съ кѣмъ — авторъ молчитъ, но легко можно догадаться, что съ униатскими епископами), и было рѣшено церковныя книги печатать въ типографіи мадьярскаго королевскаго Университета въ Будапештѣ, ибо здѣсь онѣ 100 лѣтъ тому назадъ уже и были печатаны (кажется, одинъ іерейскій молитвословъ и то — перепечатанъ!) Министерство культа и народнаго просвѣщенія составило проэктъ и смѣту по печатанію, но съ тѣмъ, чтобы въ рутенско-старо-славянскія книги былъ внесенъ и мадьярскій текстъ и мадьярская литургія печаталась одновременно. Тѣмъ временемъ, Унгварскіе греко-кат. попы выписали себѣ изъ Львова цѣлый складъ литургическихъ книгъ богослужебныхъ, и настала другая опасность: что эти галицко-русскія книги породятъ „велико-рутенскую идею“ въ Угріи... И потому рѣшено: новоиздаваемые въ Будапештѣ книги должны различаться отъ книгъ галицкихъ и великорусскихъ, такъ какъ въ тѣхъ и другихъ много лишнихъ и ненужныхъ вставокъ и прибавленій; надо возвратиться къ старинному тысячелѣтнему

греческому тексту, который хранится нынѣ въ находящемся вблизи Рима Monte Ferrato(?) греко-католич. монастырѣ. Туда должно отправить трехъ угро-рутенскихъ греко-катол. поповъ, чтобы тамъ переложить со старинно-греческаго текста всѣ книги на языкъ старо-славянскій. А чтобы въ этихъ книгахъ запечатлѣлась явственнѣе идея мадьярскаго государства, рѣшено: всѣхъ тѣхъ святыхъ, которыхъ отъ временъ раздѣленія церковей западной и восточной Римъ (папа) канонизовалъ, внести въ эти книги, и составить имъ службы, ибо, какъ извѣстно, рутены такія имена какъ: Карль, Фердинандъ, Оливеръ, Бонавентура, Казимиръ, не употребляютъ, а употребляютъ вмѣсто нихъ — Василій, Иванъ, Ниль, Орестъ, Несторъ, Намфилій, Александръ; а между тѣмъ, рутены по смыслу уніи должны всѣхъ этихъ святыхъ признавать и носить ихъ имена, подобно римо-католикамъ. И что еще главнѣе, — рѣшительнѣйшимъ образомъ приказано; чтобы тѣ святые, которые происходятъ изъ когда то царствоваваго дома Арпадовъ (998—1301) какъ то: Стефанъ Имре, Ласло, Маргитъ и Эржебейтъ, были вписаны въ богослужебныя книги вмѣстѣ съ особыми имъ службами, и чтобы рутены почитали ихъ такъ же, какъ почитаютъ ихъ латиняне. Все это конечно тѣсно связано и съ календаремъ. Рутены держатся стариннаго Юліанскаго календаря, потому нельзя даже и думать, чтобы римско-катол. праздникъ св. „равноапостольнаго“ Стефана I, падающій на 26 Августа, рутены праздновали 13-ю днями позже, — слѣдовательно, надо и новый календарь ввести. Такимъ образомъ все было разработано и въ принципѣ принято, — оставался одинъ финансовый вопросъ. Но и онъ былъ рѣшенъ. Министръ Кукта ассигновалъ на это 400.000 коронъ, съ тѣмъ, чтобы этотъ заемъ въ теченіи 7 лѣтъ былъ выплаченъ. Это было въ 1904

г. а въ 1905 году министръ премьеръ Тиса окончательно все утвердилъ.

И вотъ уже два года минуло; думалось бы, что работа, начатая еще 10 лѣтъ назадъ и направленная къ уничтоженію „панславизма“ въ церкви, теперь должна бы идти впередъ съ быстротою курьерскаго поѣзда, — увы!.. Дѣло не движется. Только то сдѣлано, что изъ трехъ епископовъ — Мукачевскаго, Пряшевскаго и Кражовацкаго — и нѣсколькихъ мирянъ составленъ комитетъ, который это великое дѣло призванъ осуществить. Этотъ комитетъ имѣлъ доселѣ только одно засѣданіе, и что тамъ рѣшено — тайна Комитета. Вѣрнѣе всего — ничего. Жаль, что въ комитетѣ нѣтъ ни одного человека, который строго наблюдалъ бы интересы государства и требованія его, а между тѣмъ тутъ вопросъ идетъ о томъ, какъ воспитать церковно-религіозную жизнь 500.000 рутеновъ народно-мадьярскимъ духомъ.

Таково содержаніе этой чудовищно-нелѣпой статьи. Она сразу же обличаетъ въ авторѣ мадьяризованнаго экс-рутеца униата, и можетъ быть даже члена комитета. Медлительностью комитета онъ вѣрооятно потому и недоволенъ, что лишень способа блеснуть предъ правительствомъ и публикой въ ореолѣ истиннаго патріота, а быть можетъ „дипломатически“ ему намекнули, что „интеллигентомъ-патріотомъ“ гораздо легче быть, чѣмъ греческій текстъ переводить на рутенскій и мадьярскій языки...

Спусти нѣсколько дней, въ этой же газетѣ на эту статью ствѣтилъ Членъ Магнатской табулы мадьярскаго парламента Евгений Сабо слѣдующее:

„Увѣряю почт. редакцію, что мы, угорскіе греко-католики, не только отъ Бѣлаго Царя, который находится очень далеко, — но и отъ ближайшихъ къ намъ

галицкихъ рутеновъ своими силами съумѣемъ защититься, лишь бы мадьярскія газеты не малевали на стѣнѣ чорта, котораго нѣтъ. Рутенскихъ церковныхъ книгъ нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ, а есть старо-славянскія; рутенской народности въ Угрии тоже нѣтъ, а только въ Галичинѣ. О томъ греко-католическомъ народѣ, который по мадьярски говоритъ, не стану и упоминать, но даже и то духовенство и народъ, которые говорятъ по русски, а въ тоже время сердцемъ-душою суть духа и убѣжденія мадьярскаго, не нужно патриотизму (конечно-мадьярскому) обучать, ибо праотцы ихъ кровь проливали за мадьярскую свободу, и ею скрѣпили свой патриотизмъ еще въ тѣ времена, когда и газетъ не было. Право, намъ уже надоѣло все это. Говоримъ о старо-славянской литургіи — насъ москвитами или галицкими рутенами именуютъ; станемъ говорить о мадьярской литургіи — бунтуютъ насъ противъ Рима. Нѣсколько разъ просили мы, и теперь просимъ, здѣшнія газеты такихъ чертей не рисовать на стѣнахъ, ибо этимъ вредятъ и намъ, и странѣ. Что же касается до изданія новыхъ церковныхъ книгъ, то только то правда, что мы хотимъ устранить изъ нихъ „схизматичества“, ибо — къ сожалѣнію, таковыя находятся въ заграничныхъ книгахъ, — и пр. и пр...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Протоіерей А. Г. Товтъ.

Голосъ изъ новоустроенной Св. Тихоновской Обители.

I.

12-го Іюня въ новоустроенной Свято Тихоновской Обители было великое торжество и свѣтлый праздникъ. Это былъ день Ангела нашего боголюбезнаго о. Игумена Арсенія.

Наканунѣ этого дня о. Игуменъ прибылъ изъ Майфильда и былъ встрѣченъ искренно-сердечно горсточною братіи Св. Обители, дѣтьми Пріюта и его смотрительницею.

Торжественно началось всенощное бдѣніе съ поіелеемъ и величаніемъ. О. Игуменъ самъ совершалъ службу въ сослуженіи о. Намѣстника и о. Эконома. Къ торжеству прибыли изъ сосѣднихъ православныхъ приходоѡвъ достойные почетныя псаломщики и возвысили и украсили службу своими дивными голосами и пѣніемъ. Всенощное окончилось въ 12 ч. 20 мин. по полуночи. Въ церкви было нѣсколько фермерскихъ семействъ.

12-го Іюня служба Божія началась въ 10 час. утра. Она также была совершена самымъ о. Игуменомъ съ тѣми же сослужителями. По прочтеніи Евангелія о. Игуменъ произнесъ слово, коимъ восхитилъ братію и всѣхъ до третьяго небеси. Послѣ молебна было провозглашено многолѣтіе нашему благодѣйшему Владыкѣ Ангелу Архипастырю, строителямъ и благотворителямъ Св. Обители, братіи и всѣмъ молящимся; братія поднесла о. Игумену св. икону Божіей Матери, одинъ изъ послушниковъ привѣтствовалъ его приводимою ниже рѣчью, дѣти-сироты изъ Пріюта съ ихъ смотрительницею поздравили его пожеланіемъ ему многихъ и долгихъ лѣтъ. За тѣмъ отправились крестнымъ ходомъ съ хоругвями и св. иконами въ маленькій скитъ, который послѣ молебна былъ освященъ, отсюда тѣмъ же порядкомъ направились въ столовую, гдѣ была благословлена трапеза для братіи и гостей. Обѣдъ былъ такъ вкусенъ и сытенъ, что лучшаго монаху желать грѣшно.

Прощаясь съ братіею, о. Игуменъ опять сказалъ слово, которое у насъ останется памятнымъ, какъ рукородство, какъ правило жизни, и напутствуемый благожеланіями отъѣхалъ въ Майфильдъ.

II.

Рѣчь:

*Выше Высокотребодіе!**Милостивый Господиъ, и Боголюбезный Отецъ!*

Мы -- малая горстка братіи этой Обители -- предстоимъ предъ твоимъ свѣтымъ лицомъ, чтобы привѣтствовать тебя, боголюбезный отецъ, съ днемъ св. твоего Ангела. День этотъ есть и отнынѣ будетъ для насъ всегда особеннымъ великимъ праздникомъ, какъ неразрывно-связанный съ существованіемъ этой обители.

Обитель эта обязана своимъ существованіемъ благочестивому настроенію твоего высокаго духа, который, наряду въ высшней и не находя мѣста и покоя, горняя мудрствуя, а не земная, проникнутый вѣрою и благочестіемъ, при дѣйствіи Св. Духа, все и всехъ исполняющаго и освящающаго, былъ проникнуть святого мыслію о необходимости и возможности построения Святой Обители для славы Божіей, для помощи въ распространеніи православной вѣры въ этомъ краѣ и для общаго спасенія.

Св. мысль эта, предъявленная нашему благостнѣйшему Владыкѣ Архипастырю, такъ горячо радѣющему о своей паствѣ, не только не отклонена, но открытою душею и сердцемъ одобрена, освящена и получила всевозможныя средства къ осуществленію.

Я не буду говорить о томъ безпредѣльномъ участіи, какое ты, боголюбезный отецъ, принималъ къ осуществленію этой мысли, какъ ты жертвовалъ и своимъ здоровьемъ и своимъ состояніемъ до собственной нищеты, какъ своими письменными приглашеніями и воззваніями располагалъ къ помощи этому святому дѣлу; -- какъ бы то ни было, святая мысль осуществлена, дѣло Божіе сдѣлано. -- въ этой ново-созданной св. обители мы славимъ Господа, славимъ и величаемъ нашего Владыку Архипастыря, славимъ и

кланяемся тебѣ, боголюбезный отче, ея строителю и настоятелю, молимъ да будетъ святыи покровъ Господа, Пресвятой Дѣвы, Святителя Тихона и всехъ Святыхъ подъ тобою и твоимъ Святымъ дѣломъ.

Послушникъ Ѡ. Славинскій,

Православное пастырство и общественная дѣятельность.

Насъ занимаетъ вопросъ о томъ, можетъ ли духовенство принадлежать къ разнымъ политическимъ партіямъ. И всякій его изъ насъ рѣшаетъ по своему и у всякаго для его рѣшенія есть, повидимому, достаточныя основанія. Разность же рѣшенія происходитъ отъ оторванности, отрѣшенности нашей отъ исторической почвы и отъ протекующей, между прочимъ, отсюда неполноты возрѣвнія на предметъ.

На самомъ дѣлѣ, разъ священникъ въ то же время и гражданинъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ можетъ имѣть свои тѣ или иные общественно-политическіе взгляды, убѣжденія и соотвѣтственно имъ можетъ принадлежать къ той или другой общественной партіи. Но, становясь членомъ партіи, священникъ рискуетъ казаться лишь только гражданиномъ или болѣе гражданиномъ, чѣмъ пастыремъ. Вѣдь всякая партія ограничиваетъ дѣятеля вообще требованіемъ къ нему подчиняться дисциплинѣ партіи; всякая партія вынуждается и всякое жизненное явленіе разсматривать и оцѣнивать лишь съ своей программной точки зрѣнія; всякая партія на общественныхъ дѣятелей изъ другихъ партій приневолливается смотрѣть какъ на противниковъ, соперниковъ, а очень нерѣдко какъ и на враговъ. Вотъ почему отъ президента всякой республики требуется безпартійность. Поэтому-то и отъ всякаго дѣятеля, который призывается

служить всёму, а не части какой либо народа, которому необходимо освѣщать всякій предметъ, всякое явленіе со всѣхъ сторонъ, раскрывать въ каждомъ обществѣ и въ каждомъ событіи его добрыя и дурныя стороны, и первыя выяснять и развивать, а вторыя сокращать или даже совсѣмъ, съ корнемъ вырывать,—необходимо требовать безпартійнаго безпристрастія, внѣпартійнаго, вышепартійнаго служенія. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, выше всякой партіи въ общественномъ своемъ служеніи должны стоять пастыри Церкви. Имъ связать себя съ какою-либо партіей—значитъ отказаться отъ цѣлостности и полноты своего пастырскаго служенія, отрѣшиться отъ мысли о духовномъ воспитаніи людей не своей партіи, ибо тѣ будутъ ужь овцами иного стада съ иными, быть можетъ, и пастырями. Ограничивая себя партійностью, пастыри могутъ съузнить самое пастырское служеніе. Раздѣляясь по партіямъ, пастыри тѣмъ самымъ должны будутъ открыто *obi et urbi* свидѣтельствовать, что пастырство въ своихъ требованіяхъ отъ носящихъ его раздѣляется, и каждый изъ пастырей есть выразитель только той или иной его части. Нечего, конечно, говорить ужь о томъ, что пастырь партійный въ многопартійномъ приходѣ будетъ страшнѣйшей аномаліей и, вмѣсто мира, будетъ вносить ужасный раздоръ.

Такимъ образомъ, внѣпартійность для пастырей Церкви не только не съуживаетъ ихъ общественнаго служенія, и тѣмъ болѣе ихъ отъ него не отклоняетъ, а напротивъ, внѣпартійность для нихъ есть первое и существенное условіе самой широкой, открытой и цѣлостной общественной дѣятельности. Внѣпартійный пастырь, ничѣмъ и никѣмъ внѣшнимъ, постороннимъ не стѣсняемый, по примѣру древнихъ пастырей, можетъ вѣрнѣе, правильнѣе оцѣнить всякое отъ правительства

или отъ какой-либо партіи исходящее явленіе и распоряженіе, энергичнѣе проводить въ сознаніе всего общества своихъ пасомыхъ и даже правительства истинный христіанскій взглядъ на вещи, свободнѣе и открытѣе отстаивать свои пастырскія идеи и стремленія и обличать неправду, откуда бы она ни исходила. При такомъ образѣ его дѣйствій никто не будетъ имѣть права его въ чемъ-либо пристрастномъ заподозрить, бросить ему упрекъ въ несправедливости, почестъ лицепріятнымъ. И всякое его служеніе, всякое его изобличеніе и запрещеніе по поводу явленій общественной жизни или правительственнаго распоряженія отъ этого будетъ еще болѣе настойчивѣе, требовательнѣе, и для всякаго, кого оно будетъ касаться, грознѣе. Для всѣхъ будетъ ясно, что священникъ судитъ не о лицахъ, а объ ихъ дѣлахъ, что онъ обличаетъ не дѣятелей, а отъ нихъ исходящее.

Едва ли кто рѣшится утверждать, что такая общественная дѣятельность для пастыря безопасна и спокойна, что быть внѣ партіи будто бы значитъ стоять за спинами другихъ. Исторія наилучшимъ образомъ показываетъ намъ, какъ тяжело, мучительно тяжело и отвѣтственно пастырю быть общественнымъ дѣятелемъ въ указанномъ смыслѣ. Очень немалочисленны примѣры страдальцевъ-пастырей за такого рода служеніе обществу. Кажется даже напротивъ: именно при такомъ пониманіи характера и направленія общественнаго служенія жизнь пастыря будетъ мученическимъ путемъ. На самомъ дѣлѣ, всякая партія, пріобрѣтши права на свое существованіе, тѣмъ самымъ освобождается отъ всякихъ правительственныхъ преслѣдованій и даже стѣсненій, а нелегальная партія существующею какъ-бы круговою порукою между ея членами охраняетъ своихъ работниковъ, освобождая ихъ отъ страданій, когда тѣ на нихъ

отъ правительства посылаются, и дѣлая всевозможное для нравственнаго облегченія ихъ. И только за пастыремъ внѣпартийнымъ некому стоять, только ему не на кого опереться кромѣ Бога и Евангелія. И на его голову могутъ сыпаться угрозы и мученія какъ отъ правительства за смѣлое слово въ изобличеніе его, такъ и отъ общества за наученіе и вразумленіе ему.

Внѣпартийный пастырь не за спины другихъ хоронится, а впереди всѣхъ выступаетъ, онъ обязывается свой судъ надъ явленіемъ произнести въ моментъ еще зачатія его; онъ долженъ не допустить ровно ничего, для общества христіанскаго вреднаго и для дѣла Царствія Божія нежелательнаго. Тогда какъ партіи имѣютъ дѣло въ большинствѣ случаевъ уже съ фактами. И для достиженія своихъ цѣлей онъ долженъ вести агитацію, понимаемую въ самомъ благородномъ христіанскомъ смыслѣ, болѣе обширную, болѣе энергичную, чѣмъ какую ведетъ партія или какую бы онъ повелъ, какъ членъ партіи. Для партіи, разумѣется, въ высшей степени нежелательно допустить въ жизнь общества что либо вредное съ точки зрѣнія программы партіи. Но если и проходитъ это въ жизнь, то партія страдаетъ лишь какъ побѣжденная; ни для кого нѣтъ жизненнаго вреда и въ томъ, если, допустимъ, партія потеряетъ послѣ этого резонъ своего бытія и разсыплется. Не такъ дѣло обстоитъ для пастыря. Очень даже не рѣдко исходящее отъ правительства—ли или отъ частныхъ лицъ, пропущенное имъ въ жизнь, можетъ влечь для христіанства ужасно убійственныя послѣдствія: могутъ христіане увлечься, напимѣръ, пьянствомъ и распутствомъ, могутъ соблазниться и уклониться отъ истины въ ересь и расколъ; случаи всему этому очень не рѣдки, т. е. многое, исходящее отъ правительства, грозитъ спасе-

нію пасомыхъ пастыря. Поэтому пропустить это значить перестать быть добрымъ пастыремъ, т. е. измѣнить своему служенію, своему призванію. Поэтому пастырь зорче, чѣмъ люди партій, долженъ за всѣмъ слѣдить, быстрѣе оцѣнивать явленія и событія, энергичнѣе заботиться объ осуществленіи всего христіанскаго и, не страшась собственнаго мученичества, не допускать ничего, клонящагося ко вреду временному и вѣчному для христіанъ—его пасомыхъ. Отсюда развитіе пастырскаго агитаціоннаго—словеснаго и письменнаго—бодрствованія является дѣломъ существенной необходимости. Все это дѣлается не за спинами другихъ, а открыто для всѣхъ, съ опасностію для собственнаго личнаго благосостоянія...

При такомъ представленіи характера и направленія пастырскаго общественнаго служенія, сами собою исчезаютъ всякія опасенія, что пастырь, при допущеніи имъ общественной дѣятельности, раздвоится на духовнаго служителя и мірянина, дѣлаясь болѣе послѣднимъ, чѣмъ первымъ, опасенія, по которымъ нѣкоторые не хотѣли бы видѣть пастыря даже и въ Государственной Думѣ, тѣмъ болѣе на мірскомъ сходѣ. Пастырь всюду остается пастыремъ и при всякомъ общественномъ служеніи будетъ духовнымъ служителемъ, заботящимся о спасеніи своихъ пасомыхъ. На все онъ смотритъ и все оцѣниваетъ не съ точки зрѣнія партийной программы, а христіанскаго міровоззрѣнія. Программой для него служить Евангеліе; на знамени у него одинаково для всѣхъ написано: всеобщее во Христѣ братство, человѣческое равенство, экономическая и духовная свобода. Цѣлью для него служить христіанская жизнь и спасеніе душъ пасомыхъ. При такомъ пониманіи дѣла не только нечего опасаться, а наоборотъ, остается только желать самаго широкаго участія для пастырей во всякихъ мірскихъ

обществахъ, начиная съ сельскаго схода и кончая самымъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, каковымъ у насъ будетъ Государственный Совѣтъ. Всюду пастырь будетъ вносить не мірское начало, а духъ Христовъ, свѣтъ евангельскій и любовь братскую, не къ раздѣленію онъ будетъ служить, а къ умиротворенію, не на разгоряченіе страстей работать, а на утишеніе всякихъ человѣческихъ бурь. А чрезъ все это онъ послужитъ возвышенію пастырства, проявленію въ жизнь Евангелія и распространенію ученія Христа среди знающихъ его лишь по школьнымъ учебникамъ, да по разнымъ атеистическимъ брошюркамъ...

Опасаются пастырскаго церковнаго вліянія на ходъ общественной жизни и съ другой стороны: боятся клерикализма. Исторія католичества сильно смущаетъ многихъ и побуждаетъ нѣкоторыхъ дѣятелей держать Церковь вдали отъ жизни.

Въ основѣ такого опасенія лежитъ неправильное пониманіе клерикализма. Въ журналѣ „Вопросы Жизни“ г. Булгаковымъ С. Н. за 1905 г. превосходно выяснена сущность этого печальнаго явленія и указаны его отличіе отъ того, что можно бы было назвать христіанской политикой. Желających подробно ознакомиться съ этими двумя явленіями въ ихъ пунктахъ различенія отсылая къ указанной статьѣ, здѣсь приведу лишь нѣкоторыя мысли г. Булгакова.

„Представляется, пишетъ онъ, существенно важнымъ ясно различать христіанскую политику отъ клерикализма. Различіе это очень велико. Въ сущности клерикализмъ въ точномъ смыслѣ этого слова и христіанская политика между собою совершенно чужды. Клерикализмъ или преслѣдуетъ интересы опредѣленнаго церковнаго сословія, клира, или же стремится къ клерикальному государству и государственной церкви: по своимъ задачамъ

и интересамъ клерикализмъ исключителенъ, конфессіоналенъ, все человѣчество для него дѣлится на овецъ и козлищъ, эллиновъ и іудеевъ, варваровъ и скибовъ, однихъ онъ ненавидитъ и стремится къ насильственному ихъ порабоженію и всякимъ правоограниченіямъ, а другихъ онъ хочетъ вооружить всею силою левиафана. Духъ клерикализма есть политическій утилитаризмъ, соединеніе общегражданскаго и политическаго индеферентизма съ стремленіемъ пользоваться государствомъ для частныхъ земныхъ цѣлей клира и данной церковной организаціи. Это сознательный отказъ отъ христіанской политики, отъ стремленія къ осуществленію въ земныхъ сношеніяхъ евангельской правды ради нѣкоторыхъ внѣшнихъ успѣховъ церковной организаціи, это подчиненіе интересовъ вѣчной справедливости, не знающей различій между людьми, временнымъ, преходящимъ интересамъ отдѣльныхъ группъ, это измѣна дѣлу Христа, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлу народному (стр. 501, 512).

Само собой понятно, что пастырство православное, выступая въ общественную дѣятельность со словомъ правды Христовой, съ оцѣнкой всѣхъ ея явленій съ точки зрѣнія евангельской свободы и истины, будетъ служить не интересамъ своего сословія или своей церковной организаціи, а дѣлу Божію, проведенію въ жизнь принциповъ христіанской политики. А для своего сословія оно скорѣе всего будетъ навлекать чрезъ смѣлое и правдивое слово вѣзмъ, даже и наивысшимъ въ государствѣ, только угрозы, непріятности и разныя утѣшенія. Ратованіе пастырства за принципы христіанской политики не есть забота о себѣ самихъ, а есть забвеніе о себѣ ради дѣла Божія, не есть тѣмъ болѣе стараніе захватить въ свои руки свѣтскую власть, а есть отказъ отъ недостойнаго для пастырства водительства его

на помочахъ у государства. Поэтому какъ для Церкви Божіей, такъ и для народа государства христіанскаго пастырское участіе и вліяніе въ общественной жизни въ выясненномъ направленіи только должно быть желательнымъ. Для Церкви—потому, что возвышаетъ авторитетъ пастырства, какъ религіозно нравственнаго руководителя, проявляетъ свѣтъ Христова ученія во всей его силѣ и блескѣ и помогаетъ водворенію на землѣ царства Божія. Для народа—потому, что, водворяя евангеліе въ жизнь общественную чрезъ христіанскую политику правительства, оно вноситъ миръ и радость о Дусѣ Святѣ; для всѣхъ гражданъ оно распространяетъ повсюду правду Божію, оно раститъ то горчичное дерево, у котораго и подъ которымъ всѣ находятъ отдыхъ, покой и усладу... Такимъ образомъ пастырство православное, заботясь о христіанской политикѣ въ государствѣ, не чуждое ему дѣло будетъ дѣлать, не въ не опредѣленныя ему сферы дѣятельности будетъ проникать, а будетъ служить царствію Божію и правдѣ его,—ихъ воплощенію въ жизнь народную.

Научившій насъ молиться ко Отцу небесному: „Отче нашъ... да приидетъ царствіе твое, да будетъ воля твоя яко на небеси и на земли“... первый призвалъ насъ—пастырей—быть солью земли, быть свѣтомъ міру, освѣщающимъ и просвѣщающимъ всѣ концы земли и всякаго чловека. Отцы и учителя Церкви, согласно правиламъ апостольскимъ, раскрываютъ предъ нами самыя широкія сферы пастырскаго воздѣйствія и вліянія на жизнь личную и общественную—народную. Исторія Церкви научаетъ насъ безбоязненно, смѣло и открыто всѣмъ говорить правду Божію, повсюду свѣтить свѣтомъ Христовымъ, до собственнаго мученичества не допускать въ жизнь общественную и государственную ничего не-Божь-

яго, темнаго, лукаваго, всего что отъ діавола. Все же настойчиво требуетъ стѣнать быть пастырями Божіими, а не послушниками правительственными или партійными,—быть осолителями жизни общественной, а не звать лишь къ терифнію и страданію, — быть общественными христіанскими дѣятелями, а не храмовыми лишь требоотправителями,—быть громкими и смѣлыми глашатаями о царствѣ Божіемъ и о христіанской политикѣ, а не замыкаться лишь въ личную вѣру съ лицемѣрной оговоркой: то-де не мое дѣло, того-де Христосъ пастырю не заповѣдалъ.

Христосъ всю челоѣческую жизнь предоставилъ всквашивать именно пастырямъ; отъ нихъ онъ требуетъ и слушаться больше Бога, нежели челоѣка. Поэтому если пастырь, гдѣ бы то ни было и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ и условіяхъ, будетъ молчать, онъ не пастырь стада Христова: онъ чаемникъ, который небрежетъ о своихъ овцахъ.

Къ пастырю слово Апостола, которое онъ долженъ всегда помнить, вырѣзать на скрижаляхъ сердца своего и выполнять, не смущаясь ничѣмъ и никѣмъ:

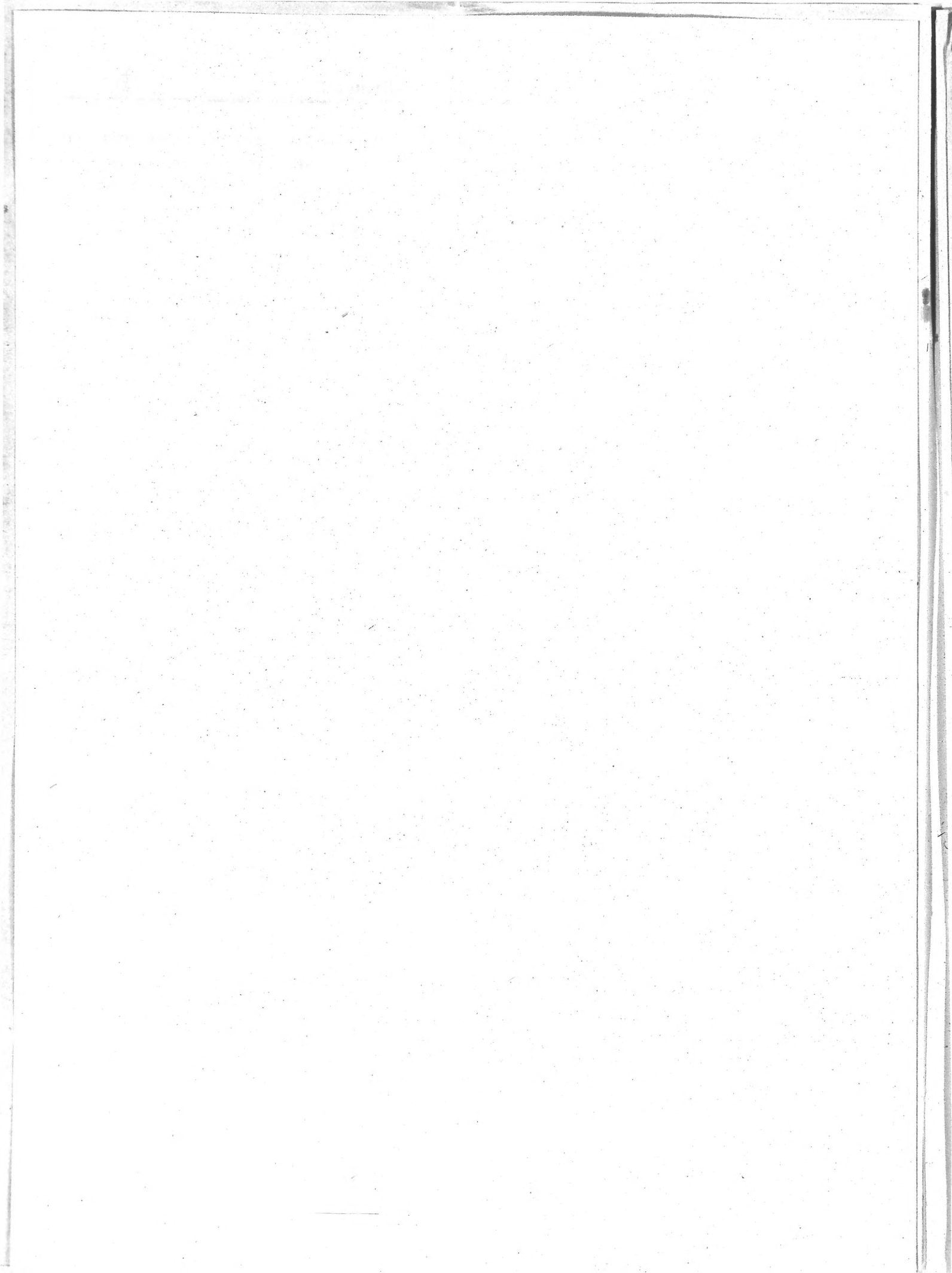
«Проповѣдуй слово, истой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщивай со всякимъ долготерпѣніемъ и кротостію... Будь бдителенъ во всемъ, переноси скорби, совершай дѣло благовѣстника, исполняя служеніе твое.» (2 Тим. 4, 2, 5).

Святи. М. Чельцовъ.

(Христ. Чтеніе).

«Новая Жизнь.»

Съ нѣкотораго времени при Клівландской православной церкви и Бурсѣ издается небольшой листокъ подъ названіемъ „Новая Жизнь“. Листокъ посвященъ преимущественнымъ образомъ борьбѣ съ ве-

лкимъ зломъ челоуѣчества—пьянствомъ, и проповѣди высокихъ и святыхъ началъ трезвости и воздержанія. Нечего и говорить — какъ необходима такая проповѣдь и такія изданія для дѣйствительнаго руководства житіемъ нашихъ пасомыхъ, и намъ — для должнаго наблюденія надъ самими собою. И потому нельзя не привѣтствовать благаго почина издателей — составителей „Новой Жизни“, и не пожелать имъ и ихъ дѣлу успѣха и преуспѣянія! Возможно, — и это было бы весьма полезно для нашей миссіи здѣсь, — что и другія церкви и приходы во главѣ съ своими причтами найдутъ силы послѣдовать этому доброму примѣру Кливлендской церкви и ея настоятеля свящ. І. Капанадзе: тогда несомнѣнно расширились бы и плоды просвѣтительной дѣятельности. Тѣ же общины, приходы и лица, которые не въ состояніи предпринять своего собственнаго изданія, могли бы, съ большою для себя пользою, выписать по нѣскольку экземпляровъ „Новой Жизни“ для бесплатной раздачи или для продажи, и насаждая т. о. принципы трезвости въ своей средѣ, тѣмъ самымъ отвращать нашихъ людей отъ того порока, который поѣдаетъ столько моральныхъ, физическихъ и матеріальныхъ силъ американскаго славянства. Адресъ издателя: Rev. J. Kappanadze, 64 Starkweather ave. Cleveland, O.

Для образца мы перепечатаемъ здѣсь изъ этого журнала „Человѣка нѣтъ“, — упрекъ обращенный къ нашему духовенству...

Человѣка нѣтъ.

Часто случается, что все потребное для созиданія якого либо дѣла бываетъ готово и чекае за человѣкомъ, который бы пришелъ и приступилъ къ самой работѣ.

Не разъ тое чеканіе тягнется цѣлыми роками, пока не придетъ ожидаемый добрый человѣкъ. Часами буває, что человѣкъ и не приходитъ и всѣ наготовленные матеріалы даромъ погибають.

Думается, что и Американская Русь готова и созрѣла для жатвы. Она стонетъ подъ ударами пьянства. Скорбный голосъ чути по всѣмъ нѣгмаемымъ мѣстамъ, она кричитъ и кличе человѣка, который бы пришелъ и освободилъ ей отъ пьянаго кошмара. Чекае уже она не одинъ, а многіи годы, а человѣкъ все не приходитъ и не приходитъ.

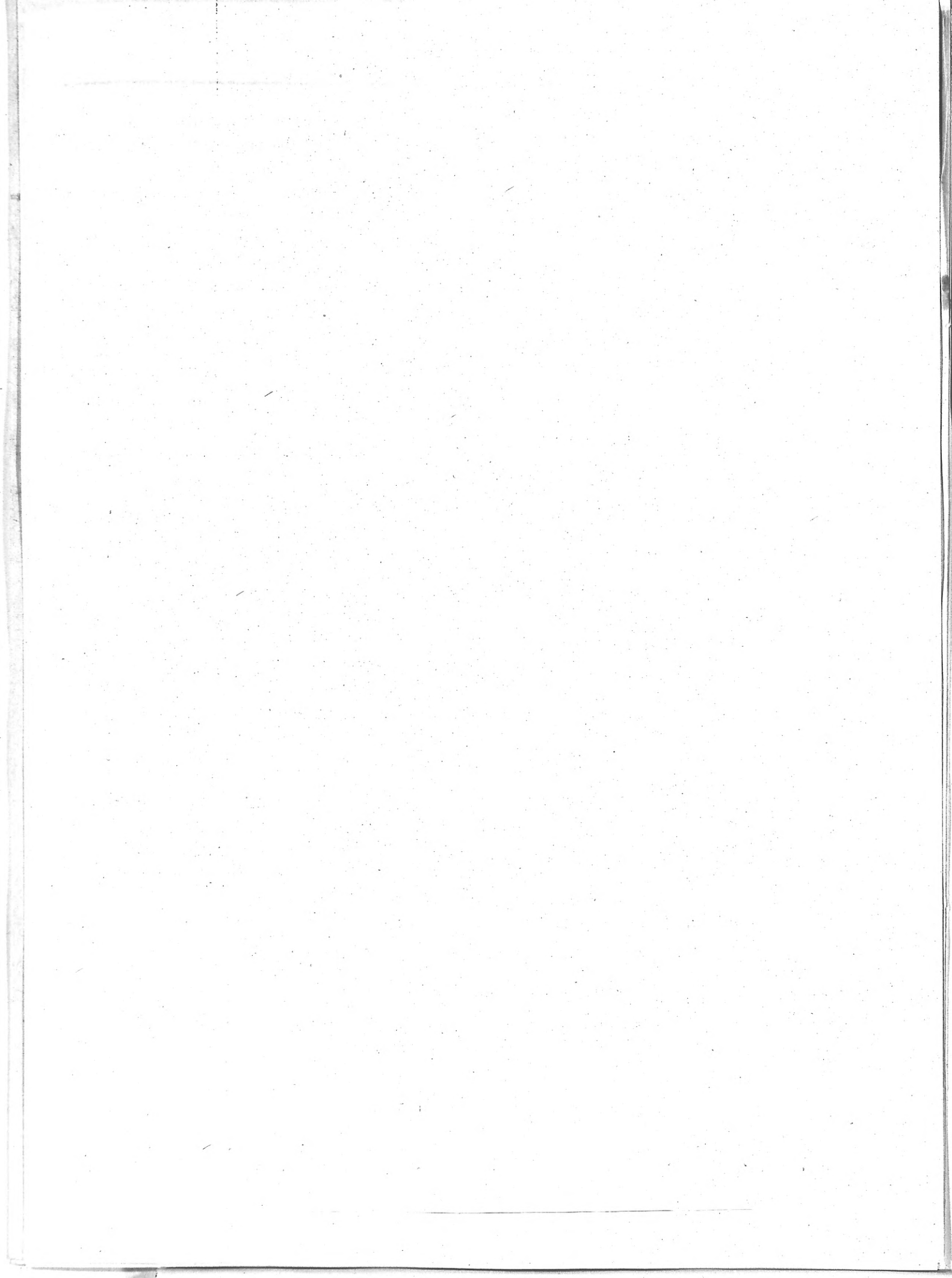
И вотъ Русь, не видя спасителя, продолжаетъ жити по прежнему, заливая горе и радость пятикою.

Неужели Американская Русь такъ и не дочекается добрыхъ людей, которые бы приступили къ дѣлу отрезвленія народа? Неужели Американская Русь мучится въ темнотѣ и нищетѣ снѣвати свою надгробную пѣсню?

Нѣтъ, не хочется сему вѣрити. Добрыи люде спасители повинни появиться. Они повинни вытягнути народъ изъ грязи, темноты и нищеты; они повинни ихъ просвѣтити, отрезвити и обогатити.

Треба дивоватися, что духовенство православное, не говоря ничего объ униатскомъ, не выступаетъ въ роли освободителей народа отъ пьянства, нищеты и темноты. Чи духовенство православное не понимаетъ своего высокаго призванія! Чи оно еще не доразвилось до того, чтобы поняти, что не достаточно службы и требы отправляти, треба еще народъ мыти, чистити отъ грязи, просвѣщати, отрезвляти и пр... Чи еще прав. духов. не понимаетъ, что все будущее Американской Руси тѣсно связано съ религіозно-моральнымъ и матеріальнымъ состояніемъ народа.

Если Америк. прав. духовенство понимаетъ свое высокое призваніе, то по какой причинѣ оно спитъ и не обращаетъ внима-

чія на пьянство въ народѣ? Почему Американское прав. духовенство не закладаетъ Общ. Трезвости? Где тѣ, которыхъ они отрезвили и вывели изъ грязи и нищеты? Кого они вымыли и вычистили, кому они помогли матеріально подняться на ноги? чи не стыдно ли буде Америк. духовенству, если простые работники будутъ закладывать Об-ва Трезвости, не видя помощи отъ него? И что духовенство скажетъ передъ Господомъ, если работники, начавъ дѣло безъ надлежащаго руководства, уклонятся въ какое нибудь заблужденіе? Кто буде виновенъ? Отвѣтъ одинъ. Якъ въ возникновеніи разныхъ сектъ въ Россіи больше всего виновато лѣнивое духовенство, такъ и въ возникновеніи здѣсь подобныхъ сектъ, будетъ единственно виновато духовенство.

Посему, хвалясь своей правою вѣрою, похвалимся и правыми дѣлами, встанемъ на борьбу съ великимъ народнымъ зломъ. Если у насъ есть скверная привычка выпивать на юбилеяхъ, крестинахъ и другихъ торжествахъ, и если она удерживаетъ добрыя начинанія, то бросимъ ее. Не будемъ соблазномъ для другихъ! Очистивъ себя отъ скверныхъ привычекъ, легче другимъ помочь въ достиженіи той же цѣли.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Согласно предложенію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Тихона, Архіепископа Алеутскаго и Северо-Американскаго, отъ 5 сего Іюня за № 104, Аляскинское благочиніе по журнальному установленію С.-Американскаго Духовнаго Правленія, отъ 9 сего Іюня за № 357, — съ 1-го Іюля с. г. временно закрывается и священникъ Александръ Кедровскій

освобождается отъ обязанностей благочиннаго.

Согласно распоряженію Его Высокопреосвященства отъ 5 сего Іюня Епархіальный Складъ впредь будетъ разсылать по церквамъ Аляски метрическія, клировыя и пр. книги не въ готовомъ видѣ, а въ листахъ, чтобы причтъ могъ брать ихъ столько, сколько потребно на каждый годъ; скрѣпляться же эти листы будутъ уже по полученіи ихъ въ Дух. Правленіи.

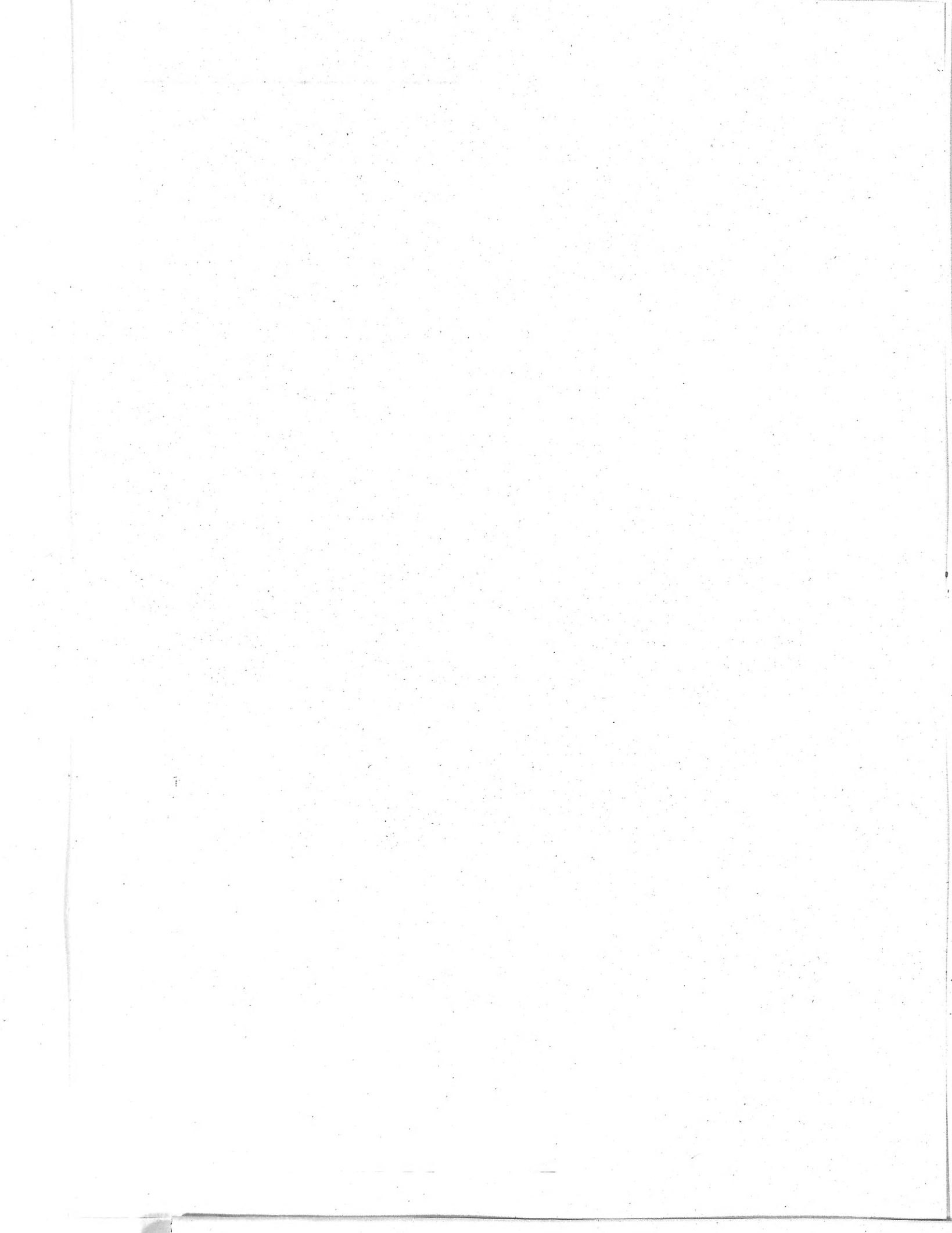
Резолюціей Его Высокопреосвященства, отъ 15 сего Іюня за № 372, настоятели Аллегенской церкви, свящ. В. Александровъ и Анзонійской свящ. Ѡ. Букетовъ, переимѣняются съ 1 Іюля с. г. одинъ на мѣсто другого.

Духовенству Аляскинскаго Викариатства.

Симъ довожу до всеобщаго свѣдѣнія, что съ ¼ Іюля сего года, по случаю освобожденія священника Уналашкинской церкви Александра Кедровскаго отъ должности благочиннаго, всѣ служебныя дѣла слѣдуетъ направлять непосредственно ко мнѣ въ Ситку, за исключеніемъ тѣхъ, которыя по обычаю вѣдаетъ Духовное Правленіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ считаю своимъ долгомъ объявить, что на будущее время прихода-расходныя книги, богослужебныя и школьныя журналы, а также церковное вино и лампадное масло разрѣшается приобрѣтать помимо Епархіальнаго Склада на мѣстахъ, гдѣ это возможно, или черезъ посредство нашихъ священниковъ въ Seattle и San Francisco. Но свѣщ., иконы, ризницу и прочіе матеріалы церковныя рекомендуется по-прежнему выписывать изъ Склада.

ИННОКЕНТІЙ, Епископъ Аляскинскій.

Причтъ, староста и прихожане Квикпахской церкви на рѣкѣ Юконѣ, въ память перваго посѣщенія Квикпаха Преосвященнымъ Иннокентіемъ, Епископомъ Аляскинскимъ, лѣтомъ 1905 года, на добровольныя пожертвованія приобрѣли для своей церкви полное священническое, псаломщическое и на престольное облаченіе, стоимостью въ 78 долларовъ 50 цент.

Вмѣсто священника В. Мартыша, получившаго новое значеніе, настоятелемъ Гадьякской Воскресенской церкви и смотрителемъ женскаго приюта временно назначается священникъ Николай Кашеваровъ съ 1-го Іюля сего 1906 года.

Пожертвовано на сооруженіе храма въ С. Франциско:

Отъ Ольги Алексѣевны Новиковой \$24.05.

Отъ Протоіерея Посольской церкви въ Лондонѣ Евгенія Константиновича Смирнова \$4.80.

Въ пользу пострадавшихъ въ С. Франциско:

Черезъ В. Ѡ. Буянова . . . \$30.00

„ Архимандрита Θεоклита 10.00

Отъ Профессора Н. В. Орлова 9.74

Объявленіе объ условіяхъ приема въ Миннеаполисскую Духовную Семинарію въ слѣдующемъ учебномъ году.

Ученіе въ Семинаріи начнется съ 30 Августа по русск. Въ первый классъ будутъ приниматься юноши не моложе 14 лѣтъ, успешно выдержавшіе экзаменъ по слѣдующимъ предметамъ:

По катихизису—пространный катихизисъ по кн. М. Фларета.

По Уставу — по кн. Михайловскаго.

По Церковной Исторіи — краткая по кн. А. Смирнова.

По русской Исторіи — краткая по кн. Горбова.

По Ариметикѣ — дробы простыя и десятичныя.

По географіи — общія свѣдѣнія. Европа и Россія, уч. краткій Смирнова.

По русскому языку — чтеніе и письмо. Начатки грамматики по кн. Тихомірова.

По слав. языку — чтеніе и переводъ Евангелія отъ Марка.

По пѣнію — знаніе гласовъ и воскресныхъ канонѣвъ.

Во 2-й классъ принимаются успешно выдержавшіе экзаменъ по слѣдующимъ предметамъ:

По священному Писанію — четвероевангеліе и Дѣянія Апостоловъ. Знаніе текста и толкованіе.

По Церковной Исторіи — Исторія до раздѣленія церквей, по кн. К. Побѣдоносцева.

По гражданской Исторіи — древняя Исторія по кн. Иловайскаго.

По Лптургикѣ — по кн. Лебедева, или по кн. Михайловскаго.

По словесности — по кн. Смирновскаго: теорія словесности.

По геометріи — по кн. Страхова.

Плата за содержаніе въ приютѣ Семинаріи \$7.00 мѣсячно.

За разъясненіями обращаться по адресу:

RUSSIAN ORTHODOX SEMINARY

1701 5th. St N. E.

MINNEAPOLIS, MINN.

Члены Совѣта Семинаріи:

Предсѣдатель Священникъ К. Поповъ.

Учитель В. Бензинъ.

Редакторъ,

Кафедральный Протоіерей А. Хотовицкій.

